

Я. Г. Шемякин¹

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ УЧАСТНИКОВ БРИКС И ПРОБЛЕМА ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

1. К числу факторов, обусловивших появление объединения БРИКС, относятся как особенности мировой социальной, экономической и геополитической конъюнктуры рубежа XX–XXI веков, так и условия долговременного исторического действия. Именно такими являются факторы цивилизационной идентификации, то есть идентификации с наиболее значимыми, укорененными в той или иной традиции ценностными ориентациями.

2. Обобщение опыта стран БРИКС приводит к выводу, что для них оказалась характерна *единая идентификационная стратегия*. В ее основе — общее для этих стран и принципиально отличное от западной трактовки понимание характера и задач процесса модернизации. Запад склонен считать свою модель модернизации оптимальной и в связи с этим универсально значимой, а потому и «обязательной к исполнению» для всех, кто стремится идти в ногу со временем. Все без исключения страны БРИКС выдвигают на первый план идею органического синтеза ценно-

стей модернизации и собственной цивилизационной традиции.

3. Формирование общей идентификационной стратегии оказалось возможным в силу того, что при всей разнице традиций участников БРИКС в самой глубокой основе их цивилизационного строя лежит общий комплекс ценностей. Краеугольным камнем всех представленных в БРИКС цивилизационных традиций является духовное наследие «осевого времени» I тыс. до н. э. (по К. Ясперсу) — того периода в истории, когда почти одновременно (по макроисторическим меркам) в ведущих центрах Евразии (Индии, Китае, Палестине, Иране и Элладе) возникли все основные направления философской мысли и наиболее исторически значимые религии и религиозно-философские системы (буддизм, конфуцианство, даосизм, зороастризм, религия еврейских пророков, духовно-мировоззренческий комплекс, воплощенный в «Упанишадах»), а также были заложены предпосылки возникновения христианства, ислама и индуизма.

В эту эпоху впервые были ясно осознаны и сформулированы идея Абсолюта — духовной первоосновы всего сущего, неуничтожимой сердцевины бытия, и принцип сопричастности человека Абсолюту, нашедший свое наиболее полное проявление в идее бессмертия души. Из мысли о сопричастности человека Абсолюту следовал вывод о несводимости его к роли простого функционера или винтика социального или космического целого. Базовые компоненты насле-

¹ Главный научный сотрудник Центра культурологических исследований Института Латинской Америки РАН, доктор исторических наук. Автор 200 научных публикаций, в т. ч. книг: «Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории», «История мировых цивилизаций. XX век», «В поисках смысла. Из истории философии и религии» и др.; статей: «К вопросу о методологии цивилизационных исследований», «Мыслеобраз границы: социокультурные проекции», «БРИКС в свете цивилизационного подхода» и др. Член редакционного совета научного журнала МГУ им. М. В. Ломоносова «Исторический журнал: научные исследования».

дия «осевого времени» прослеживаются и в различных версиях христианства (в том числе католицизма и протестантизма в Бразилии, православия в России, протестантизма в ЮАР), и в трех основных составляющих традиционной духовной культуры Китая — конфуцианстве, даосизме и китаизированном буддизме, и в индуизме.

4. Для осуществления синтеза собственной традиции и ценностей модернизации ключевое значение имеет решение проблемы личности, ее активности. То или иное решение этой проблемы всегда связано с самыми глубокими основами мирозерцания человеческой общности. И в этом плане центральную роль играла и играет «общеосевая» идея сопричастности каждого человека духовному Абсолюту. Именно на нее в конечном счете опирались те составляющие духовного наследия представленных в БРИКС цивилизаций, которые так или иначе акцентировали значимость личного начала.

Следует отметить, что связь человека и Абсолюта трактовалась представителями различных традиций совершенно по-разному. Интерпретация этой связи в христианской традиции в принципе самым непосредственным образом побуждала человека занять активную позицию по отношению к окружающему миру. Острое переживание противоречия между «сущим» (то есть наличной действительностью, отмеченной первородным грехом) и «должным» христианского идеала; рождающееся отсюда стремление в той или иной мере привести «сущее» в соответствие с нормами, диктуемыми Божественным Абсолютом, и вместе с тем невозможность полной реализации небесного идеала в «земной» реальности вследствие ее неизбывной (вплоть до второго пришествия) греховности, соответственно невозможность присвоения кем бы то ни было привилегии на абсолютную святость; неизвестность времени второго пришествия и вытекающая из этой мысли обязанность христианина постоянно поддерживать себя в состоянии готовности к встрече с Христом — все эти обстоятельства обрекали человека на постоянное «бодрствование» (Матф. 24:42), то есть на непрерывное становление личности. А такой дар Бога человеку, как свобода воли — выбора между добром и злом, возлагал на его плечи тяжелый груз ответственности за сделанный выбор.

Китайская традиция во многих отношениях совершенно иная, тем не менее и здесь идеал духовной активности личности воплотился в лапидарной формуле «бодрствование одинокого»¹. Китайское понимание духовного Абсолюта основывается на убеждении в исчерпывающей полноте его присутствия во всех предметах и явлениях мира. Поэтому их постижение требует от человека постоянных усилий. Согласно одному из главных конфуцианских канонов «Да сюэ», «для всех и каждого — от Сына Неба и до простолудина — усовершенствование своей личности является корнем»².

¹ *Малыгин В. В.* Тайцзицюань: Классические тексты. Принципы. Мастерство. М.: Кнорус, 2011. С. 14.

² *Кобзев А. И.* «Великое учение» и учения великих конфуцианцев. М., 2011. С. 25.

Усиление внимания к Конфуцию как родоначальнику национальной идеи и к конфуцианскому наследию в целом отчетливо прослеживается начиная с 1980-х годов в КНР, где сложилась своя школа интерпретации этого наследия, представители которой стремятся трактовать его как главное выражение «китайской специфики», вполне совместимое с социалистическим идеалом.

Для *индийской цивилизационной традиции* характерно совершенно иное, чем для китайской, понимание соотношения между окружающей человека повседневной действительностью и духовными реалиями. Тем не менее обе великие цивилизации Азии объединяет очень важная общая черта: идея о том, что Абсолют непосредственно присутствует во всех элементах мироздания, в том числе и в людях. Так, в индуизме «всякая индивидуальная душа является частью Абсолюта»³. Там наличествует множество богов, между которыми существует определенное «распределение ролей», и при этом индус свободен в выборе божества, которому он желает поклоняться. «Один бог по семейной традиции или по личному выбору является для верующего главным, а все остальные — его ипостасями. Но в восприятии верующего все они существуют как аспекты единого целого — универсального Абсолюта»⁴.

Главным парадоксом традиционной индийской цивилизации было сочетание подобной религиозной свободы с поразительно жесткой регламентацией социальных ролей в рамках варно-кастовой системы. Идея сопричастности каждой индивидуальной души Абсолюту не могла не породить протеста против данной системы в рамках самого индуизма. Этот протест с наибольшей силой выразился в духовных движениях бхакти, для которых была характерна усиленная акцентировка личностного начала, а впоследствии в трудах и деятельности реформаторов индуизма XIX–XX веков (Рам Мохан Рой, Вивекананда, Тагор, Ганди, Неру, Радхакришнан).

5. Выявление общих духовных оснований представленных в БРИКС цивилизационных традиций, особенно в том, что касается подхода к вопросу об активности личности, приобретает особое значение в современной идеологической ситуации, которая характеризуется развертыванием глобальной информационной войны. И в этой войне страны Запада в качестве своего главного оружия используют определенную интерпретацию концепции прав человека. В подобных условиях необходимо заново переосмыслить проблематику прав человека, поскольку та их интерпретация, которая до сих пор преобладает как в науке, так и в политическом дискурсе, ограничена рамками одной цивилизационной традиции — западной.

Как известно, главная мировоззренческая база современной версии идеологии прав человека — Всеобщая декларация прав человека 1948 года. Ее авторы основывались на разработанной европейской политической и правовой мыслью теории естественного права, в соответствии с которой права человека

³ *Ванина Е. Ю.* Основные ценности и институты индийской цивилизации // Индийская цивилизация в глобализирующемся мире. М.: ИМЭМО РАН, 2005. С. 31.

⁴ Там же. С. 32.

обусловлены человеческой природой, единой для всех людей. Из текста Декларации следует, что речь идет о «человеке вообще» безотносительно к конкретно его историческим, культурным и иным особенностям. Предполагается, что декларируемыми правами должен пользоваться каждый из живущих на Земле индивидов. Но ведь любой из жителей нашей планеты принадлежит к определенной общности (как правило, одновременно к различным общностям разного типа — этническим, языковым, культурным, территориальным и т. п.), существует и действует в той или иной социальной, культурной и природной среде. «Человека вообще» в реальности нет нигде, как не существует и человеческой природы «вообще» безотносительно к живым людям и обстоятельствам их жизни. Человек всегда конкретен, неотделим от этих обстоятельств, а следовательно, необходимым образом принадлежит к той или иной культурной традиции.

Если обобщить содержание Всеобщей декларации прав человека, то можно констатировать, что в основе всех остальных прав человека лежат два: право на жизнь и право на свободу выбора во всех сферах жизнедеятельности. Однако выбор может быть действительно свободным лишь в том случае, если это сознательный выбор. Такой выбор способен сделать только мыслящий человек, обретший смысл своего существования. Обретение же смысла возможно лишь при условии, что найден путь решения ключевых проблем-противоречий человеческого бытия. Выработав тот или иной подход к их решению, человек

определяет тем самым основные черты собственного культурно-исторического облика, то есть свою идентичность. Таким образом, обретение идентичности означает обретение смысла существования. Следовательно, формирование собственной идентичности является предпосылкой действительно свободного выбора, а тем самым и реализации всех остальных основанных на нем прав. Если это так, то в реестр основных прав человека в качестве основополагающего должно быть внесено право на идентичность, реализация которого является предпосылкой осуществления всех остальных прав за единственным исключением — права на жизнь. Но что означает право на жизнь без права на идентичность? Получается, что это — право на жизнь без смысла, то есть практически право на биологическое, проще говоря, животное существование, но никак не право на жизнь человека разумного. Таким образом, и право на жизнь для человека именно как человека, а не биологической особи может быть реализовано лишь в том случае, если одновременно осуществляется право на идентичность.

По нашему мнению, признание права на идентичность в качестве одного из основополагающих прав человека имеет особое значение для участников БРИКС, перед которыми объективно стоит труднейшая задача осуществления синтеза собственной цивилизационной традиции и императивов современности. Усвоение этих императивов будет подлинным лишь в том случае, если оно будет творческим. А на творчество способен лишь тот, кто сохранил в своей душе прочный стержень, то есть свою идентичность.